

СЕРИЮ
ЧИТАЮТ В 16
СТРАНАХ

перевод Дарьи Хиль

ЭЛИНА БАКМАН КОГДА ИСЧЕЗАЮТ СЛЕДЫ

18+

триллер

МИСО

Элина Бакман
Когда исчезают следы
Серия «МИФ Проза»
Серия «Триллеры МИФ.
Скандинавская серия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68078320

*Когда исчезают следы / Элина Бакман: Манн, Иванов и Фербер; Москва;
2022*

ISBN 9785001954965

Аннотация

Куусилуото: уголок дикой природы посреди Хельсинки, где можно укрыться, стать почти невидимым. Трое студентов – Йеремиас, Йоханнес и Абди – снимают здесь документальный фильм о странном отшельнике, живущем в единственном доме на острове... Пока один из них не исчезает бесследно.

Когда в сердце заповедного леса находят первую жертву, в дело вступает полиция – команда Яна Лейно. В это же время журналистка Саана Хавас запускает тру-крайм подкаст: рассказывает о собственных поисках пропавшего без вести.

Многое в этом деле говорит в пользу несчастного случая. Лес словно признал мертвого парня своим и решил защищать. Но что, если кто-то хладнокровно ведет детективов по ложному следу?

Для кого эта книга

Для читателей остросюжетной скандинавской литературы с ее неповторимой атмосферой нуара.

Для поклонников книг Лины Бенгтсдоттер, Сюзанны Янссон, Стефана Анхема и Камиллы Гребе.

Для читателей современной прозы и психологических романов, большое значение в которых имеют человеческие отношения и атмосфера.

Для тех, кому понравился первый триллер Элины Бакман – «Когда умирает король».

От автора

Остров Ламмассаари вместе с окрестностями находится в черте Хельсинки, и это одно из моих любимейших мест на всей планете. В первый раз меня туда привел папа, и мы катались на велосипедах. А сейчас я перевезла на этот остров свою семью. Ламмассаари невозможно описать словами. Поэтому я горячо рекомендую побывать там, в месте, где шелестят озерные травы. Не забудьте прихватить с собой перекус – и смело ступайте по мосткам. Вас обязательно очарует этот остров, который каждый раз встречает гостей по-новому.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Пролог	7
Часть I	12
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Элина Бакман

Когда исчезают следы

Elina Backman

Kun Jäljet Katoavat

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Elina Backman, 2021

Original edition published by Otava, 2021

Russian edition published by agreement with Elina Backman and Elina Ahlback Literary Agency, Helsinki, Finland

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

*Мы действовали тайно,
Никто на нас не думал.*

*Со мной была фортуна,
Молчал ты неслучайно.*

МУЗЫКА И СЛОВА: ОЛАВИ УУСИВИРТА

*Что было, то волку в зубы попало – считай,
пропало;*

впредь заживем по иному закону.

АЛЕКСИС КИВИ, «СЕМЕРО БРАТЬЕВ» (1870)

Пролог

Я стою на опушке и вслушиваюсь в карканье ворон, кружащих над моей головой. Смотрю наверх: подобно огромному куполу, небо возвышается над землей. Деревья секут друг друга ветвями, аккомпанируя моему сбившемуся дыханию оглушительным треском. Больше тишину ничто не нарушает. Всматриваюсь в землю: будто бездонная черная пасть под ногами. Если небо необъятно, сколько же успела поглотить, похоронить под собой эта ненасытная земля?

Окидываю тело прощальным взглядом, придвигаю остывшие его конечности поближе друг к другу, вкладываю в руки пучок цветов. Это – абсолютная гармония.

Затем я уйду. Очищаю свой путь от еловых веток. Хвоинки больно впиваются в кожу, но это не страшно, я продвигаюсь дальше, уверенно шагая навстречу лесному мраку, – и исчезаю.

23 АВГУСТА, ПЯТНИЦА

Саана разглядывает узкие улочки Алфамы¹, крошечные столики уютных уличных кафе, где традиционно подают сар-

¹ Алфама (*порт.* Alfama) – старейший исторический район Лиссабона. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

дины на гриле. Яну уже несколько раз звонили с работы. У человека отпуск, вообще-то. Об отъезде они еще толком и не думали, а будни уже всюю заявляют о себе: ему названивают. Саана размышляет о том, как близко была к тому, чтобы сказать, наконец, «я люблю тебя», «я влюбилась в тебя по уши». Но первый же звонок уничтожил весь настрой, и в последующие дни Саана то и дело натыкалась на задумчивого, уставившегося в пустоту Яна. Сейчас он бы любые слова и признания пропустил мимо ушей. Да и встречаются они всего ничего. Можно ли на самом деле влюбиться за такое время? Ян сосредоточенно что-то пишет в телефоне, не обращая внимания на солнечные лучи, нежно поглаживающие квадратики плитки на стене, или на сдержанную красоту обветшалых дверей. Кажется, будто в сандалиях можно легко поскользнуться на истертых до блеска камушках мостовой.

– Может, по мороженому? – спрашивает Ян, оторвав взгляд от экрана мобильного. Саана снимает очки, чтобы темные стекла не мешали ей любоваться мужчиной. Яркий свет слепит глаза, она щурится, а потом заговорщически улыбается: кто в здравом уме откажется от мороженого?

– Все хорошо? – спрашивает Саана, приобняв Яна. Ему нельзя говорить о работе, однако, обстреливая Яна вопросами, Саана надеется выудить хотя бы пару скупых фраз о том, не случилось ли в Финляндии чего-нибудь эдакого.

– Если ты о том звонке, то это была новая начальница, решила представиться, – сообщает Ян, протягивая руку Саане.

Делает вид, что он и впрямь рядом, здесь и сейчас.

– Знает же, что ты в отпуске еще эту неделю? – Саана просто хочет удостовериться, что все расслышала верно. Она берет Яна за руку, позволяя ему прижать ее к себе. В зное португальского дня их сжатые ладони вмиг становятся мокрыми. Не отстраняясь от Яна, Саана подставляет лицо палящему солнцу и вскоре смущается: над верхней губой опять влажно от пота. Она наблюдает за тем, как ненавистный телефон Яна погружается, наконец, в карман джинсов. Кто бы мог подумать, что Саана однажды будет нежиться на солнышке в компании детектива из ЦКП²? Мужчины, который даже в такую жару не может снизить до шорт. Саана хмыкает про себя, поглядывая на темные джинсы. Потом приподнимается на носочках и целует Яна в щеку. От щетины щекотно.

Остановившись у маленького лотка с мороженым, Ян расцепляет их с Сааной замок из рук. Молча, как замороженные, разглядывают они манящие разноцветные горки лакомства. Перед ними главное испытание отпуска – определиться с вкусом. Взгляд Сааны мечется от Яна к мороженому и обратно. Допытываться, конечно, не стоит. Совсем недавно умерла мама Яна, так что за его молчанием может робко скрываться печаль, хотя Ян и без того довольно серьезный. Они вместе так недолго, что Саане до сих пор трудно нащупать суть этого загадочного человека. Каков он, настоящий

² ЦКП – Центральная криминальная полиция Финляндии.

Ян? На работе – сдержан и сконцентрирован. Из него клещами не вытащить никакую информацию о преступлениях. Случись что-то на родине, Ян-детектив под дулом пистолета ничего не расскажет Саане. Гражданских не должны касаться детали расследований, это опасно, поэтому семья полицейского может и не догадываться о том, как часто он сталкивается с убийствами и прочими кошмарами. Преступники помалкивают из этих же соображений. Молчание – лучший способ защитить близких. Таков и базовый принцип поведения Яна. Вот и сейчас, после того злополучного звонка, Ян на глазах становится все тише и тревожнее и временами будто подспудно желает вернуться к работе.

Ян ищет взглядом салфетку, заметив, как его зеленое фисташковое мороженое стекает по руке предательскими струйками. Саану вновь захлестывает безграничная нежность. Она влюбленно наблюдает за Яном, изо дня в день упорно выбирающим для своего мороженого вафельный рожок и изо дня в день упускающим момент, когда мороженое тает и всеми силами стремится этот рожок покинуть. Потом переводит взгляд на его сильную загорелую руку, держащую мороженое, – и снова не может не любоваться мужчиной, о котором думает вот уже столько дней подряд. Ее время отныне делится на эры: до Яна и после Яна. И эра «после» – хаотичная, чудаческая и восхитительная. Они встретились именно тогда, когда над Яном висело непростое дело об убийстве. При одной мысли о летних событиях по спине

Сааны пробегает холодок. А может, это происки мороженого. Саана видит, как Ян благодарно улыбается официанту, любезно протянувшему ему пачку салфеток. Они куда тоньше финских. Ян восхитителен в своей небрежности – именно такой, от которой Саана всегда теряла голову. От решительности, приправленной едва уловимой непринужденностью, которая то есть, то нет и потому буквально гипнотизирует. Загадочному Яну не составляет труда интриговать таких, как Саана. Конечно, она та еще фантазерка. В худшем случае эта любовь – слепое поклонение выдуманному от и до персонажу, не имеющему ничего общего с реальным Яном.

«Ну уж нет. На те же грабли я больше не наступлю», – клянется себе Саана, отправляя в рот крошечную ложечку мороженого, уже изрядно подтаявшего. «Амарена», ее любимый вкус – сочетание йогурта со сладкими ягодами вишни. «На сей раз не дам волю фантазиям, не стану выдумывать, а буду знакомиться с реальным человеком, разрешу себе не торопиться. Сохраню в памяти лишь то, что сам Ян сочтет нужным показать и рассказать», – обещает она себе. Скоро эта прекрасная летняя сказка подойдет к концу. Мороженое в стаканчике неумолимо уменьшается, и романтическая беззаботность постепенно улетучивается. Еще пару дней назад они с Яном были слившейся воедино сущностью, однако сегодня на ее месте вновь два непохожих друг на друга человека, словно очнувшиеся от чудесного жаркого сна.

Часть I

25 АВГУСТА, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ноора слышит лишь свое дыхание. Она бежит так быстро, что рискует выбиться из сил, однако при этом ощущает полный контроль над ситуацией. Уж она-то знает, на что способна. Не стоит останавливаться. Инстинкты говорят Нооре, куда бежать, ей только остается время от времени ловить взглядом оголенные корни, чтобы не споткнуться, а в остальном можно полностью сконцентрироваться на дыхании, отдаться лесу. Чем дольше она бежит, тем больше обостряются чувства, тем сильнее она ощущает себя открытой, собой. Ноора досадует, что теперь до леса с его восхитительным воздухом, который так и хочется жадно глотать, приходится долго ехать на машине. День едва начался: еще час назад воду покрывала утренняя дымка. Лишь в такое время можно по-настоящему побыть наедине с дикой природой. Вокруг ни души. Ноора сознательно убегает в такие уголки леса, куда никому и в голову не придет наведаться. Она с большим удовольствием проложит свой путь, чем выберет готовый. Совершая длинные пробежки, Ноора редко смотрит по сторонам, ее скорее захватывает свежесть воздуха, оглушает царящая повсюду зелень – сам лес, такой, каким он создан. Мох и ягель, кочки и заросли, то тут, то там тихо сохнут поваленные деревья. Мерцающий сквозь танцующие ветви солнечный свет делает

все вокруг почти волшебным. Это настоящий лес, ничем не потревоженный. Растущий и гниющий одновременно.

Через полтора часа Ноора решает остановиться у Кейнумяки³ и измерить пульс. Показатели стабильны. Регулярные летние пробежки все-таки не проходят даром. Намечается жаркий день. Стоит остановиться – и тяга в туалет становится еще ощутимее. Ноора оглядывается по сторонам. Вокруг по-прежнему никого. Она могла бы тихонько пристроиться где-нибудь в зарослях и облегчиться. Ноора снова воровато осматривается. Точно никого? Она старается выровнять дыхание и, успокоившись, прислушивается. А вдруг поблизости кто-нибудь есть? Доносятся ли откуда-нибудь шаги? Ветер шелестит в листве, стволы деревьев потрескивают, соприкасаясь друг с другом, в остальном – тишина. Поблизости послышался едва заметный шорох. Какой-нибудь зверь? Иногда Нооре кажется, что лес – это живое существо, словно идущее за ней по пятам, затаив дыхание. Бегая на пределе сил по лесным тропинкам, Ноора иногда представляет, как лесные обитатели прячутся по норкам, едва почуяв ее присутствие, и потом снова выползают: угроза миновала.

Совсем рядом закаркали вороны. Ноора никогда не питала особой любви к воронам или галкам. Слишком уж дерзко и самоуверенно они держатся, слишком неприятно, скрипуче звучат. Их мрачный иссиня-черный цвет ничего хорошего

³ Кейнумяки (*фин.* Keinumäki) – вышка для наблюдения за птицами на территории района Виикки (пригород Хельсинки).

не сулит – особенно тому, кто оказался в лесу один. Судя по звукам, ворон довольно много. Ноора идет к ельнику. Мощные ветви гигантских деревьев то и дело преграждают путь, и она осторожно отодвигает их в сторону, стараясь не уколоть руки об иголки. Окончательно убедившись, что никто не видит, Ноора спешно спускает штаны и садится на корточки. И тут она замечает. Снизу отлично видно то, что скрывали от ее глаз ветви деревьев и лесная зелень. Вокруг корней поваленного дерева кружит воронья стая. Птиц много, и все они будто стремятся подлететь к одной и той же точке. Мочевой пузырь пустеет, зато голова стремительно наполняется невеселыми мыслями. Что так сильно привлекло ворон? Кажется, они даже что-то поклевывают. «Не мое дело», – сразу решает Ноора, но любопытство уже проснулось. Преодолевая подспудное сопротивление, заинтригованная Ноора одевается и устремляется навстречу мрачновато торчащему из земли корневищу. Будто черная лапа разворошила рыхлую почву и устояла на небо. Громадная ель повалена так, что корни ее, высвободившись, породили огромную земляную яму. «Надо же, какой погром устроило тут это дерево, а никто даже не услышал», – думает Ноора, подходя еще ближе.

Вороны продолжают надрывно каркать, но, увидев человека, немного сторонятся, хотя совсем скрываться не собираются. С интересом наблюдают за тем, как потная женщина в спортивном костюме подходит и с опаской наклоняется к земляной яме. Стаю разгоняет лишь пронзительный, исте-

рический крик.

ХЕЙДИ

Хейди достает из кармана джинсов ключи и открывает машину. Утреннее солнце успело изрядно накалить оставленную на парковке жестянку. Хейди обессиленно валится на сиденье, она мокрая от пота, так и пышет жаром. В полной тишине она неподвижно сидит, дожидаясь, когда прохладный воздух кондиционера зальет весь салон и уже можно будет, наконец, сорваться с места. Подобно ручейкам пота, с Хейди испаряются остатки беззаботности. Каждая капелька на ее лице – свидетельство метаморфозы, порожденной воскресным звонком. Отпуск закончился днем раньше. Когда речь заходит об убийстве, никто не смотрит на выходные и праздники. И сегодня, на день раньше, Хейди вновь облачится в тяжелую броню, примерит полицейские доспехи. Она словно солдат проклятого взвода: кругом мертвецы, ни одно дело без них не начинается.

Прохлада постепенно заползает во все уголки салона, а вместе с тем потихоньку приобретенное в отпуске головокружительное чувство свободы словно вытесняется чем-то другим. Напористым желанием любой ценой раскрыть новое дело. Хейди боится? Да, боится снова позволить расследованию захватить все ее мысли и выжрать ее изнутри, оставив за собой труп. Кожуру, броню, еле-еле держащую ее на ногах.

И все же, несмотря на грядущие бессонные ночи и кошмары наяву, Хейди чувствует воодушевление. Как так вышло? Да просто из головы начало выветриваться похмелье летнего расследования. Неопознанный труп в лесу? Пока мозг переваривает эту информацию, Хейди ощущает, что оживает. Говорят, тело было обнаружено в объятиях корневища свалившегося дерева. Сидя в машине с ревущим почти на максимуме кондиционером, Хейди жмет назад и наслаждается люющей отовсюду прохладой. Еще чуть-чуть – и холод окружит ее всю. «Надо же, столичные окрестности смахивают на село куда сильнее, чем принято думать», – размышляет Хейди, проезжая мимо Ванхакаупунки⁴ с его красными кирпичными домами и бурлящим порогом. На полях Виикки пасутся коровы. Хейди притормаживает: она и так забралась достаточно далеко. Включает «поворотник», ненадолго сворачивает на обочину дороги. Где же лучше всего выйти? Хейди делает полный разворот и едет по Виикинте в обратном направлении. По одну сторону красуются новенькие жилые районы, по другую – обширные поля. Где-то вдалеке темнеет лес. Хейди минует аукционный дом Хеландера и начинает двигаться в сторону поля. После Сяюняслахдентие начнется бездорожье. Хейди доезжает до конца. Справа виднеются строения промзоны, слева выстроились биотуалеты и

⁴ Ванханкаупунки (*фин.* Vanhakaupunki – Старый город) – место, на территории которого в 1550 году шведский король Густав Ваза заложил город Хельсинки. Позже город был перенесен.

синеватые бараки. Впереди угадываются очертания довольно широкой канавы, вдоль которой идет песчаная дорожка. Не выходя из машины, Хейди гуглит карту заповедника Ванханкаупунгинлахти⁵, чтобы на глазок проложить предстоящий маршрут. Этот заповедник включает в себя, по крайней мере, бухточку Сяюняслаhti со всеми ее тростниковыми зарослями, южную часть открытых вод, ольшаник в Порнайстенниemi, лес Мелюля, а также часть буйного тростника вблизи Ламмассаари⁶. Получается, труп нашли в заповеднике? Хейди не уверена. Ванханкаупунгинлахти с его окрестностями куда обширнее, чем заповедная территория. Берега учебно-экспериментальной фермы Виикки⁷ получили здесь статус заповедных первыми, еще в 1959 году. Прочитав об этом, Хейди поднимает взгляд и через лобовое стекло любуется идиллическим видом. Побережье, Виикинранта, совсем рядом, а вдалеке, на водной глади морского залива, резвятся птицы. Ветви деревьев покачиваются на ветру, в небе кружатся галки. Старый смешанный лес. Хейди сверяет ин-

⁵ Ванханкаупунгинлахти (*фин.* Vanhankaupunginlahti – залив Старого города) – морской залив, омывающий центральные районы Хельсинки с востока. Также крупнейший природный заповедник Хельсинки. Здесь можно наблюдать около трехсот видов птиц.

⁶ Ламмассаари (*фин.* Lammassaari – Овечий остров) – остров (хотя фактически скорее полуостров) в районе Ванханкаупунгинлахти. Популярное место для прогулок и наблюдения за дикой природой.

⁷ Учебно-экспериментальная ферма Виикки (*фин.* Viikin opetus- ja tutkimustila) принадлежит университету Хельсинки и используется для исследований, проводимых на факультете сельского хозяйства и лесоводства.

формацию в телефоне. Сяюняслаhti. Похоже, тело где-то в том районе. Хейди снимает машину с ручника и невозмутимо едет на северо-восток по песчаной тропинке.

Вскоре ей на глаза начинают попадаться первые удивленные и недовольные лица. Машина на песчаной дорожке? Возмущение Хейди живо рисует, что именно прогуливающиеся хотят дать ей понять. *Укатывай отсюда, ненормальная!* Наверное, стоит пощадить ревностных блюстителей закона, с презрением взирающих на любого нарушителя. Хейди открывает окно и демонстративно устанавливает полицейскую «мигалку» на крышу автомобиля. *Пошевеливаемся, господа праведники, не загораживаем проезд.* Для закрепления эффекта Хейди слегка поддает газу. Обочины дороги цветут, и Хейди смотрит на желтеющие, качающиеся на ветру камышовые заросли. В конце путь зарослям преграждает пугающий лесной мрак. На обочине дороги установлена деревянная табличка: «Дендрарий, Хельсинкский университет». За считанные секунды бескрайний простор сменяется густым, непроглядным ельником. Хейди сбавляет скорость.

Природный заповедник «Виикки-Ванханкаупунгинлахти» разросся более чем на триста гектаров. С трудом верится, что от этого богатого оттенками зеленого царства рукой подать до центра Хельсинки. Информационные стенды под зелеными деревянными козырьками украшают развилку и рассказывают прохожим о природных особенностях окрестностей. Скорая помощь все еще на месте, путь перекрыли

два полицейских фургона. Оградительная лента защищает участок от любопытных глаз случайных прохожих. Хейди успела привыкнуть к прохладе автомобиля, а потому немного теряется, когда выходит наружу и чувствует на себе палящий жар солнца. Она тут же закидывает куртку на пассажирское сиденье. Под ногами шуршит песок. Походные ботинки приятно сидят на ногах и наводят на Хейди тоску по всем тем местам, где они служили на совесть. Лофотенские острова, Лапландия и Бад-Гастайн⁸ весной. Конечно, прекрасна и Финляндия, однако ей не тягаться с Норвегией или Альпами. Хейди задумчиво рассматривает тропинку, ведущую к вышке для наблюдения за птицами. Она уверенно погружается в лесную тьму.

Хейди четко описали, куда идти: от основного инфостенда тридцать метров по тропинке – и справа покажется белый тент. Она быстрым шагом направляется к указанному месту. К вынужденной встрече с мертвецом.

Во рту пересыхает. Окоченевший мертвец, совсем юноша, лежит в яме, направив стеклянный взгляд в небо. Вокруг суетятся криминалисты, документируют каждую мелочь. Фотокамера щелкает, образцы аккуратно раскладываются по пакетикам. Дрон беззвучно снимает территорию сверху. Откуда-то издалека доносится шум большой дороги. Хейди

⁸ Бад-Гастайн (*нем.* Bad Gastein) – австрийский курорт в ста километрах от Зальцбурга. Известен своими термальными источниками, а в холодное время года становится горнолыжным курортом.

молча разглядывает тело. Молодой человек не опознан. Руки сложены на груди. Медики подтвердили смерть – это, конечно, была формальность: глядя в пустые, тусклые глаза, сложно прийти к иному выводу. Хейди осматривает руки: ногти чистые, кожа ладоней тоже. Парень одет в серые брюки карго и черную толстовку с капюшоном, на ногах – черные кеды Vans; на земле, рядом с головой, лежит панама. Упала с головы. Хейди наклоняется рассмотреть ее поближе – вроде, чистая, – переводит взгляд обратно на голову: ни крови, ни следов удара. На рубашке под руками покоится увядший цветок. Какой – Хейди не знает, хотя рассмотрела его внимательно. Это не похоже на аварию или несчастный случай, да и версию с приступом можно отместить. Что же остается? Хейди дает взгляду немного поблуждать по стволам деревьев, раскидистым еловым ветвям и покрытой хвоинками земле. От внезапной догадки по спине пробегает холодок. Как именно тело лежит. Где именно тело нашли. Тишина, царящая здесь повсюду. Парню явно помогли свести счеты с жизнью.

СААНА

На обратном пути Саана смотрит на небо, уткнувшись лбом в ледяное стекло иллюминатора. Начало смеркаться. Кажется, будто возвращение на родину вечером «жалеет» пассажиров, смягчая контрасты: полутьма позволяет чуть-чуть пофантазировать, вообразить себе путешествие куда-то

еще. Самолет кружит над неясным пейзажем, то тут, то там мелькают огоньки островов и непроглядная морская тьма. Саана думает, каково было бы сейчас приземлиться в другом городе – в Берлине, Ницце или Нью-Йорке, например? Нет, к сожалению, впереди неизбежно ждут аэропорт Хельсинки-Вантаа, такси и дом на Стуренкату.

Саана думает о грядущей неделе. Ей предстоит встреча с тетей Инкери: часть вещей осталась у нее в Хартоле. Саана провела там все лето и умудрилась ввязаться в расследование убийства, произошедшего несколько десятилетий назад. Подумать только, в июне она всего лишь хотела отдохнуть от работы, выпившей из нее все соки, и оправиться эмоционально. Целительное хартольское лето постепенно вернуло ей жизненные силы и вдохновило распутать загадочную смерть. Случай завел Саану в самый центр сложной и опасной паутины событий, которые сейчас, по прошествии времени, кажутся невероятными. Все собранные за лето материалы этой волнующей истории дожидаются ее в тумбочке тетиной гостевой комнаты. Записочки, заметки и пожелтевшие фотографии, интервью с хартольцами, распечатанные фрагменты газетных статей. Коротенькие, уже записанные заметки. Настало время собрать из летних событий сюжет. И хотя поездке в Лиссабон, вне всяких сомнений, удалось увести Саанины мысли подальше от убийств, подспудная работа над историей все же велась и новые идеи то и дело вспыхивали в голове сами собой. Можно сделать интерес-

ный подкаст о тайнах королевской общины Хартолы. В то же время пора бы заняться и поиском работы.

Саана поглаживает жестковатую, щетинистую щеку Яна. Он заснул, стоило им только оторваться от земли, а сейчас безмятежно сопит, опираясь головой о Саанино плечо. Самолет пойдет на снижение в любой момент, но будить Яна как-то рука не поднимается. Саана смотрит в окно, тихонько улыбаясь самой себе. Сизый пейзаж мало-помалу приобретает очертания Финляндии: лоскутное одеяло из воды и островков. Гущи темных лесов перемежаются со скромными огоньками городов – совсем еще крошечных, размером с игольное ушко. Едва Саана начинает определять знакомые места на побережье, как самолет уже кружит над не слишком знакомым Эспоо⁹ и все с трудом распознанные ориентиры вновь исчезают. Просыпается Ян.

Финляндия – малонаселенная страна. Это можно осознать лишь на контрасте, по возвращении из густонаселенной Центральной Европы, из городов, огням которых при снижении не видать конца и края. Аэропорт Хельсинки-Вантаа своим освещением точно никого не ослепит. Аккуратная взлетно-посадочная полоса, окруженная лесом. Автодороги с такой высоты похожи на тоненькие светящиеся провода, а вокруг них – непроглядная тьма. Поля виднеются даже в окрестностях столицы. Сегодня они снова возвращаются в

⁹ Эспоо (*фин.* Espoo) – муниципалитет и второй по величине город в Финляндии. *Прим. ред.*

эту тихую страну. Место, где из крана течет чистая вода и где так много правил. Страна, известная своей стойкостью и хорошим образованием. Любимая родина, чью красоту начинаешь ценить только тогда, когда уезжаешь. Кругом простор, свежий воздух, но вместе с тем и разговаривающие полупшепотом люди с кислыми лицами.

На секунду пассажиры задерживают дыхание – самолет громко выпускает шасси – и с облегчением чувствуют под колесами финскую землю.

26 АВГУСТА, ПОНЕДЕЛЬНИК, ЯН

Яну казалось, будто с дороги ему удалось подремать всего пару часов. Они с Сааной устало, немного заторможенно попрощались в такси и – каждый у себя – легли спать. Добравшись до подушки, Ян с ужасом подумал о том, что, вероятно, вообще не сомкнет глаз, и, конечно, оказался прав. Его начало клонить в сон лишь под утро, однако толку от этого не было никакого: в 6:15 звенит будильник. Ян сыплет в крепкий эспрессо немного коричневого сахара и массирует виски. Утро нового дня, Ян опять один, опять у себя и мыслями уже на работе. Проглотив кофе, он принимается расхаживать по квартире в поисках велосипедной экипировки, которую прямо перед отъездом куда-то задевал.

Пара километров на велосипеде – и свежий воздух выветривает из головы застоявшийся туман, проясняет спутан-

ные от бессонной ночи мысли. Ян глубоко вдыхает ароматы бодрого финского утра и замечает среди них неявные сентябрьские нотки. Осенью пахнет уже сейчас, в остальном же смена сезонов никак пока себя не обнаруживает. На улице тепло. На работе Ян решает не заглядывать в душ и просто меняет спортивную футболку на джинсовую рубашку. Он рассеянно кидает одежду на выцветший офисный диван, стоящий в углу, и проходит на кухню. Двухчасовая разница во времени между Лиссабоном и Хельсинки значит для Яна лишь одно: сегодня придется до вечера неустанно следить за собой, чтобы не скатиться в режим автопилота. Кроме того, сегодня все начнется заново. Яну предстоит познакомиться с новым начальством и войти в колею после отпуска. Он едва успевает заварить себе кофе и устроиться за рабочим столом, как краем глаза улавливает постороннее движение: к нему энергично кто-то направляется. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кто именно. Начальница.

Йоханна Ниеминен кивает Яну и, обойдясь без рукопожатий, садится на краешек его рабочего стола.

– Йоханна Ниеминен, – говорит она.

– Ян Лейно, – представляется Ян.

– На этом, пожалуй, покончим с формальностями. Я предпочитаю, чтобы меня называли Йоной.

– Ясно, – говорит Ян. – Ну, меня называют просто Яном, – произносит он с улыбкой и приветственно вскидывает руку. Йоханна Ниеминен, *Йона*. Это имя засело в подкорке еще в

отпуске, когда Йоханна решила ни с того ни с сего ему позвонить.

– Времени на болтовню у нас нет. Только что планы на день резко изменились. В Хельсинки кое-что случилось, на месте нас уже ждут, – сообщает Йона. – Мое первое дело в этой должности. Уже вижу, как за моей спиной все с замиранием сердца ждут оглушительного провала, – посмеивается она, и Ян не понимает, шутка это или нет.

На ум, как назло, не приходит ничего остроумного, и Яну остается лишь молча разглядывать новую начальницу. Он не соглашается с ней, однако и не торопится опровергать ее слова. Если верить первому впечатлению, то Йона из тех, кто сначала говорит нечто спорное, дабы спровоцировать собеседника на реакцию, а потом, если провокация проходит успешно и собеседник ударяется в соглашательство, она выворачивает свои же слова наизнанку и ставит незадачливого подхалима в неловкое положение. Ну, на первый взгляд.

– Для всех было бы выгоднее объединить усилия и работать в команде, разве нет? – говорит Ян, чувствуя себя политиком. Йона улыбается: видимо, оценила по достоинству его осторожность.

– Слышала, ты в числе наших лучших детективов. Для начальника ты многовато внимания уделяешь полевым работам, это да, но дела, которые были тебе вверены, с почетом доведены до конца. Согласно отчетам, у тебя очень высокий процент раскрываемости преступлений, – говорит Йоханна

Ниеминен, покачивая правой ногой. На ней коротенькие кожаные полусапожки. – Ты человек действия. Понимаю, я сама на дух не переношу бумажную волокиту... и, положив руку на сердце, кофе тут тоже препоганый, – сообщает Йона, кивая на свою кружку.

Ян ухмыляется, когда понимает: из всех кружек Йона взяла себе именно ту, что с «Симпсонами». Он сидит как на иголках, чувствуя на себе изучающий взгляд, однако из всех сил пытается держаться непринужденно, даже несколько небрежно.

– Сто, – произносит Ян, глядя начальнице прямо в глаза. Ему известно, что процент раскрываемости тех дел, предварительное следствие по которым велось под его руководством, – сто.

– В таком случае, господин Сто, у нас тут еще одно дело. Вероятно, убийство, – говорит Йона, вставая. Она принимается беспокойно мерить шагами пространство вокруг его стола. – Вчера на территории заповедника Ванханкаупунгинлахти был обнаружен труп молодого человека, – она останавливается. – Тело в лесу нашла девушка. Она была там на пробежке. Обязалась не разглашать и не комментировать находку публично. Только органы знают. После обнаружения трупа территорию беспромедлительно оцепили.

Ян кивает.

– Личность пока не установлена. Предварительное следствие уже начато, но прямо перед твоим приходом со мной

связалась руководительница следственной группы: интересовалась, можешь ли приехать и осмотреться на месте. Ей нужно твое мнение.

– Зачем? – вопрос вырывается сам собой. Все знают, что хельсинкская полиция и без помощников раскрывает дело за делом.

– Понятия не имею. Заодно и выяснишь. Звонила какая-то Нурми.

– Хейди Нурми? – Ян не уверен, что расслышал верно. Хейди – самый талантливый детектив из всех, кого он знает. Что же там, в лесу, такого непонятного, если сама Хейди нуждается в помощи ЦКП и открыто о ней просит? Может, просто соскучилась? Ян улыбается этой мысли.

– Она самая, – отвечает Йона. – Будь добр, съезди туда и взгляни сам. Смерть молодого человека при невыясненных обстоятельствах не сулит ничего хорошего. Мы, конечно, хотим опровергнуть все неприятные слухи об убийстве. С другой стороны, это наша работа. Случай с мертвым парнем полон таких тревожных нюансов, на которые я уже пообещала среагировать.

Ян согласно кивает. Ему нравится манера Йоны говорить прямо и по существу. Лишь сейчас он решает присмотреться к начальнице: каштановые волосы, красиво очерченное лицо, подтянутая фигура. Легкий макияж, пронизательный взгляд. На левом безымянном пальце два кольца, одно из которых украшено вереницей мелких бриллиантов. На взгляд

Яна, ей между сорока и пятьюдесятью, но точную цифру он даже не берется установить.

– Я попросила предоставить тебе все, что известно на данный момент, так что потрудись ознакомиться, – говорит Йона, и Ян тут же кликает мышкой, чтобы вывести компьютер из спящего режима.

– С момента обнаружения тела прошло чуть меньше суток. Вчера поздно вечером труп доставили в морг, но криминалисты продолжают прочесывать местность. Пока известно лишь то, что речь идет о молодом человеке и, возможно, он жертва. Ну, это моя интуиция. В лесу тело пролежало не больше пары дней. Скоро мы получим более детальный отчет.

– За это время парня уже могли хватиться, – размышляет Ян.

– Сейчас как раз сверяют базу пропавших с образцами ДНК трупа, – тут же отвечает Йона, отходя чуть в сторону.

Сидя перед монитором, Ян думает о том, насколько уместно будет подняться и последовать за ней, но в итоге остается на месте.

– Хорошо, – говорит Ян и смотрит на время. Будь это один из недавно пропавших, личность установили бы за несколько часов. Ян отпивает немного горького кофе. Мысль об этом убийстве тоже отдает горечью: кошмар любого финна – любителя природы и прогулок на свежем воздухе. Молодой человек найден мертвым в самом сердце популярного заповед-

ника. По статистике, если речь идет о молодых мужчинах, чуть ли не четыре из пяти смертей – это самоубийство или несчастные случаи, связанные со злоупотреблением алкоголем.

– Если заподозришь убийство или что-то во всем этом покажется тебе странным, я попрошу руководство передать расследование этого дела ЦКП. Нам не свойственно просто «взглянуть», – говорит Йона и опять останавливается. – Я так понимаю, прошлое расследование тоже проводилось совместно с полицией Хельсинки, и притом весьма успешно. Поделишься опытом? – Йона продолжает удивлять Яна. Сначала она говорит прямо и по делу, избегая морализаторства, а теперь еще дает понять, что ознакомлена с материалами прошлых успешных расследований Яна.

– Не откажусь от возможности снова поработать с Нурми из отдела убийств Хельсинки, – сообщает Ян. – И тут, у нас, есть настоящие профи, к которым я не побоюсь обратиться за помощью, если понадобится что-то быстро раскопать. Зак, например, – говорит он, ожидая в ответ гневную отповедь. Но напрасно.

– Что ж, – произносит начальница, глядя на Яна, – не вижу причин вмешиваться в отлаженные механизмы. Я никогда не говорила об этом напрямую, но куда продуктивнее просить у меня прощения постфактум, нежели пытаться заранее получить на что-то разрешение. И заруби себе на носу: если я увижу, что ресурсы расходуются как попало и моим дове-

рием злоупотребляют, я тут все разнесу к чертям, – говорит Йона и улыбается, обнажая острые зубы.

– Понял, – отвечает Ян, спешно набрасывая в голове план дальнейших действий. Сперва необходимо ознакомиться с материалами нового дела, чтобы сразу погрузиться в расследование вместе с Хейди. Люди из отдела убийств Хельсинки уже что-то копают, поэтому Ян должен оказаться на месте как можно скорее. Конечно, он не в восторге от перспективы копаться в каком-то сомнительном деле, не являясь притом даже частью команды. Для начала было бы неплохо собрать улики, которые подтверждали бы факт убийства.

– Да, насчет жертвы, – возвращается к разговору Ян, хотя Йона дала понять, что они уже все обсудили. – Есть хоть какие-то основания утверждать, что это было убийство? – спрашивает он. Йона останавливается и резко поворачивается на пятках.

– Каждая прерванная жизнь – это жертва судьбы-убийцы, – философски заключает она, – однако в этом деле все же есть пара тревожных звоночков. Тело нашли посреди леса, но никаких вещей, принадлежавших парню, пока так и не обнаружили. Ни рюкзака, ни палатки – совсем ничего. Документов, конечно, тоже нет. Самоубийство или приступ болезни исключать пока рановато, а вот несчастный случай можно смело отметить: в момент обнаружения труп лежал на земле в позе, которую можно было бы назвать умиротворенной. В парня не стреляли, ничем острым не кололи, сильно

не били. Следов удушения тоже нет. Ни-че-го.

– Вообще? – уточнил Ян.

– На данный момент – да, отсюда и все подозрения.

СЕССИЯ № 1

Кай заглядывает в ежедневник. Сегодня у него три клиента, а в конце дня – часовой анализ эффективности своей работы. Кай залпом выпивает стакан воды и выглядывает в окно кабинета; кабинет находится в кирпичном здании, здание – в районе Тёёлё. Дорожный шум едва слышен, он отдаленно похож на радиопомехи. Из окна открывается вид на живописные фасады домов и один-единственный клен. «Я этот клен уже с закрытыми глазами нарисую», – думает Кай и относит пустой стакан на общую кухню.

Последние пару лет он приноровился совмещать частную психотерапевтическую практику и эпизодические подработки. Криминальное профилирование для ЦКП – дело, конечно, интересное, однако отдушиной Каю всегда служила именно работа с пациентами. Для одних поход к врачу – это чуть ли не единственный шанс остаться на плаву, другие же просто стремятся добавить в свою жизнь глубины и смысла. Каю нравится наблюдать за прогрессом. Порой даже одна встреча с психотерапевтом способна подтолкнуть человека к изменениям, некоему облегчению, позволить разделить свои мысли с кем-то еще и немного освободить голо-

ву. Но продолжительное душевное равновесие требует многолетней работы.

Кай смотрит на часы: уже без двух минут. Скоро войдет следующий клиент. Уже несколько лет назад его пациенты превратились в клиентов. Кай возвращается в кабинет, закрывает окно и слышит, как под чьими-то шагами поскрипывает паркет.

Девушка входит без стука.

– У вас было открыто, – говорит она, робея, и Кай мягко улыбается.

– Проходите, не стесняйтесь, – отвечает Кай. Подготавливает почву для беседы. Девушка одета в черную кожаную куртку, белый джемпер и черные джинсы. Брюнетка. Не поднимая глаз от пола, она молча проходит в центр комнаты и делает быстрый выбор. Креслу с осанистой спинкой она предпочитает мягкий диван. Кай скользит взглядом по своему блокноту. Новый человек, чистый блокнот, первая сессия.

– Что привело тебя сюда? – спрашивает Кай, раскрывая пошире свежий белоснежный разворот.

– Не уверена даже, в правильное ли место я пришла, – невнятно произносит девушка. – Просто я не могу заснуть, – сообщает она, после чего смыкает подведенные черным веки и кладет скрещенные руки на грудь.

Кай наблюдает за девушкой, завалившейся на кушетку в обуви. В последнее время к нему чаще всего приходят с рас-

стройствами пищевого поведения, депрессией, тревожными расстройствами или эмоциональным выгоранием. Каю становится любопытно. Человеческая психика похожа на айсберг, видимая часть которого пугающе мала, а вот под водой можно встретить что угодно и какого угодно размера. Однако чтобы погрузиться в эту воду и коснуться невидимой части айсберга, нужно время и безоговорочное доверие. Люди научились виртуозно защищать себя от вторжения извне, открываться же до сих пор умеют очень плохо.

Кай смотрит на столик, где уже приготовлены два стакана с водой и пачка бумажных платочков. В этих четырех стенах стандартные правила поведения не действуют. Здесь он видит каждого клиента таким, какой он есть, без защитной брони и символов статуса. Если ничего другого они не вынесут из этой встречи, то хотя бы получают сорок пять минут в безопасном пространстве, где можно выразить и анализировать свои чувства, не боясь, что тебя осудят. Здесь можно просто быть.

– Как долго ты не можешь заснуть? – спрашивает Кай, одновременно фиксируя в блокноте: *жалобы на бессонницу*. – Не могла бы ты для начала описать это состояние? Не можешь заснуть – значит ли это, допустим, очень короткий сон, по паре часов, или речь о спорадической бессоннице? Существенной нехватке сна?

– Когда как. Бывает, не сплю совсем или сплю совсем недолго, а потом под утро просыпаюсь и больше не могу нор-

мально заснуть, – рассказывает девушка. – Вздрагиваю – и резко просыпаюсь.

– И давно у тебя такое? – спрашивает Кай. Девушка немного бледновата, но изможденной ее пока не назвать. Хотя редкий человек демонстрирует всем свои внутренние сражения – он ревностно оберегает от чужих глаз именно то, что его ест поедом или кажется слишком постыдным. В кабинете воцаряется тишина. Кай решает, что девушка размышляет над ответом, однако молчание затягивается: кажется, она задремала.

– Так когда ты перестала нормально спать? – деликатно переспрашивает Кай.

Девушка кладет под голову одну из декоративных подушек и сворачивается в позу эмбриона. Она лежа обводит взглядом кабинет.

– Давно уже, года четыре назад, – следует тихий ответ.

Кай ловит себя на странном, толком ни на чем не основанном ощущении: будто окружающий мир как-то подавляет эту девушку, оглушает и ошарашивает и сюда она пришла просто за тишиной и покоем. Кай берет себя в руки, стараясь очистить голову от преждевременных выводов. Это непрофессионально, в конце-то концов.

– Случалось ли с тобой в последнее время что-то необычное, что могло бы спровоцировать это состояние? – спрашивает Кай, не торопя девушку: пусть отвечает, когда сочтет нужным.

Та садится, явно борясь с сумятицей в голове.

– Мама считает, что я связалась с опасным мужчиной, – отвечает девушка.

Кай едва не вздрагивает от неожиданности: слишком уж внезапно красивый, мягкий голос нарушил привычную тишину. Красивое, с парой огромных, как у олененка Бэмби, глаз, лицо теперь обращено к нему.

– А сама ты как считаешь? – спокойно спрашивает Кай, стараясь ничем не пошатнуть зачатки доверия со стороны девушки. Сейчас точно не стоит давить на нее или чем-то пугать. Пусть говорит что хочет и когда хочет.

Девушка пожимает плечами и сильнее натягивает на пальцы едва выглядывающие из-под кожаной куртки рукава тоненького джемпера. Теперь не видны даже ногти. Правой рукой она неловко заправляет за ухо проскользнувшую на лицо черную прядь волос. И снова пожимает плечами.

– Наверное, было бы лучше сначала рассказать о нем, – отвечает девушка. Кай задумчиво за ней наблюдает. Девушка привычно замолкает. Кай мельком смотрит на время: они в тупике. Только начали подбираться к сути, как осталось всего ничего до конца сеанса.

– Решать тебе, – мягко начинает Кай, ощущая при этом, как его старания будто отскакивают от невидимой стены. – Ты вправе рассказывать о чем угодно, просто помни, что мы тут ради тебя.

Девушка пропускает эти слова мимо ушей: она углубилась

в изучение узора на марокканском ковре. И упорно молчит. Это сложная сессия – диалог идет со скрипом, натужно, в нем огромными дырами зияют паузы, – но первый шаг все-таки сделан.

– К сожалению, наше время почти вышло, – сообщает Кай.

– Что ж, видимо, сегодня не получится начать мою историю, – говорит девушка, разглядывая свои длинные, покрытые черным лаком ногти. Ее прищуренные глаза сейчас похожи на маленькие черточки.

– Историю? – переспрашивает Кай, пытаясь поймать робкий взгляд напротив. – Я здесь для того, чтобы помочь тебе. Когда мы встретимся в следующий раз, пообещай мне вот что: говори как есть. Здесь не нужно рассказывать истории или разыгрывать представления. Мне необходима только правда, – мягко добавляет он.

Девушка молча кивает, затем встает, нетвердо проходит к двери. И останавливается.

– Я приду к вам еще, – говорит она, уже готовая нажать на дверную ручку. – Но... если я расскажу все как есть, вы ни за что мне не поверите. – И выскальзывает из кабинета.

ЯН

«Пока все неплохо», – с облегчением думает Ян, вприпрыжку спускаясь по ступенькам головного здания ЦКП.

Новой начальнице удалось произвести на него нейтральное – даже граничащее с приятным – впечатление. А к первому впечатлению Ян всегда относился серьезно.

Еще и часа не прошло, а пот уже ручейками струится из-под велосипедного шлема. Ян протирает лицо рукавом. Мало того, что, по мнению некоторых, полевой работе он уделяет много внимания, так еще и его привычка колесить на велосипеде в рабочее время вызывает у коллег неодобрение. Сейчас тепло, не то что утром, – самое время крутить педали. Ян притормаживает на усыпанной гравием обочине дороги. Уточняет по навигатору нужное место. Пушистые белоснежные облака заслоняют свежую голубизну неба. На поле по соседству уже вовсю идет молотья. Поблескивают золотистые колосья, хотя у самой дороги то и дело попадаются и совсем еще зеленые. Ян неспешно крутит педали, молчаливо прикидывая, с чем именно встретится в конце пути.

Добравшись до Виикки, Ян тянется к подставке с бутылочкой. Медовый напиток – то, что нужно, и бутылочка молниеносно пустеет. Бессонная ночь не лучшим образом сказывается на теле: все движения будто заторможены. Ни велопробегу, ни напитку оказалось не под силу по-человечески взбодрить Яна. Ну, по крайней мере, скоро он перестанет потеть – стоит только укрыться от солнцепека под спасительной прохладой леса. Двумя замками Ян пристегивает велосипед к мощной деревянной стойке и присматривается к стоящему у табличек с информацией бревну: на нем искусно

выструганы совы и разные пичужки. Тишину нарушает лишь ветер, тревожащий деревья. Июньские птичьи концерты уже давно позади. На очереди – осенний перелетный блюз, который заполнит небо пернатыми стаями. Стоя посреди буйной зелени, Ян осматривается. Песчаная дорожка исполосована следами от шин. По всей видимости, сюда уже наведалься тяжелая артиллерия. Неподалеку припаркованы два темных автомобиля. Один из них Яну отлично знаком – это Хейди. Через двадцать метров навигатор дает понять, что Ян уже на месте. Деревья-исполины тянутся к небу, уголок белой палатки криминалистов выглядывает из-за них. Что же привело этого – пока неопознанного – парня в лес Ванханкаупунгинлахти? И что убило его здесь?

Вдалеке царит какое-то оживление. Ян присматривается к возведенной палатке. Два криминалиста в комбинезонах прочесывают окрестности в поисках следов. Подходя к склонившимся над землей работягам, Ян остро чувствует патологическую потребность быть на месте, самому соприкоснуться с ним. Это не выбор, это – призвание. Единственная возможность уловить намерения убийцы, почувствовать ход его мысли. Понять причины, толкнувшие его на злодеяния. В бумажках и документах не отражается и малая часть того, что вмещает в себя преступление. Карта – одно, местность – совсем другое. Ян уже предчувствует, как все детали дела скоро закружатся в его подсознании. Поначалу они будут просачиваться в сны и одновременно цементироваться в памяти;

не успеешь и глазом моргнуть, как даже самые ничтожные нюансы расследования заживут в голове своей жизнью. Постепенно осколочные сведения потянутся друг к другу, выстроившись в разрозненные логические цепочки, а те, в свою очередь, подведут Яна к долгожданной разгадке. Непостижимым образом шестеренки в мозгу вращаются даже тогда, когда Ян ничего не предпринимает. Нужно лишь прислушиваться к себе и доверять чутью, которое, к слову, не пробуждается от одного только изучения рапортов. Вот почему важно пускать в ход любые доступные раздражители: запахи, вкусы, цвета. Общую атмосферу места, в конце концов. Мелочи, на которые сначала и глянуть не подумаешь.

Надев белый защитный комбинезон, Ян переходит к осмотру. Его тихое одинокое расследование заставляет двух криминалистов ненадолго прерваться. Ян салютует им, и вскоре работа возобновляется. Ян приподнимает сигнальную ленту и с энтузиазмом ступает на небольшой огражденный участок. Место, где нашли тело, теперь прямо перед глазами. Глубокая яма из-под корневища. Вокруг – густой хвойный лес. Миллионы иголок хоронят под собой землю. Ян почти ощущает на себе незримую темную печать. Он словно мистический вестник смерти из ЦКП, появление которого всегда не к добру: либо убийство, либо начало охоты на безумного серийного маньяка.

На земле, примерно в метре от тела, виден какой-то след. Его уже поместили. Это отпечаток подошвы, рисунок на ней

различим без особого труда. Ян делает фото этого следа – для себя. Он все еще сидит на корточках, поглощенный изучением земли, как вдруг чувствует на своем плече руку.

– Приветик, – доносится голос.

– Хейди, – отвечает Ян и лишь потом оборачивается посмотреть на нарушительницу его спокойствия. – Так соскучилась, что решила звякнуть? – смеивается он.

Хейди – лучший из всех известных Яну следователей. Еще и в прекрасной форме – наверняка тренируется вдвое больше самого Яна. Говорить об этом вслух он, конечно, не стал бы, однако есть подозрение, что Хейди легко сделает его даже в беге, если их поставить на одну линию старта. К счастью, ни в чью голову такое пока не приходило. Да и ни к чему это, особенно в команде.

Внимательно осмотрев место преступления и его окрестности, они покинули огороженный участок и стянули с себя комбинезоны.

– Дисциплиной не ошибся, спортсмен? – Хейди не в силах промолчать, заметив под комбинезоном Яна велосипедную футболку. – Это тебе не «Тур де Франс». Конечно, можно попытаться догнать убийцу, но, судя по всему, мы чертовски отстали от него еще на старте.

– Дерьмовая шутка, – бухтит Ян, однако в его голосе улавливается все тепло к Хейди, накопившееся за годы совместной работы.

Так они и стоят вдвоем посреди прекрасного заповедника

и размышляют об устрашающе уродливом по своей сути деле. О прерванной молодой жизни. Где-то здесь, поблизости или не совсем, мог ступать хладнокровный убийца. Тот, о ком пока ничего не известно. Тот, кто отнял у парня жизнь и исчез. Наблюдая за тем, как ожесточается лицо Хейди, Ян отчетливо понимает: об отдыхе и покое впредь не может идти и речи. Вскоре они вновь начнут думать в унисон, окажутся с одними и теми же картами на руках. А сейчас карт практически нет. Мертвый парень – кто он? Что же с ним случилось?

– Смотри, там вышка для наблюдения за птицами. Поднимемся? – спрашивает Хейди. Ян соглашается: хорошая мысль. Нужно больше пространства, чтобы как следует осмотреться, охватить взглядом всю панораму. Они молча доходят до вышки и начинают карабкаться по отвесной деревянной лестнице.

– Ты сам-то как? – спрашивает Хейди, когда они, поднявшись, опираются локтями о перила и позволяют себе наслаждаться открывшимся видом. – Ну, после похорон и вообще, – уточняет она.

Ян думает о маме, которой не стало этим летом, – и его мгновенно охватывает печаль. Но кое-что изменилось: теперь он не тонет в этом чувстве, теперь оно не всепоглощающее и ему все чаще удается хлебнуть кислорода.

– Пожалуй, неплохо, спасибо, – с неожиданной мягкостью произносит Ян. – Уже лучше, – добавляет он, полагая, что

Хейди поймет, что он имеет в виду время предыдущего расследования. Середину лета, когда горе было на пределе. Бездонная тоска до сих пор никуда не ушла, она жрет его изнутри. Со смерти матери прошло еще не так много времени. Порой Яну случается на какое-то мгновение забыть о произошедшем, но в другие дни его скорбящее сердце выворачивается наизнанку от боли, а тело словно разбивает паралич.

– Горю нужно время, – говорит Хейди и ободряюще улыбается.

Они продолжают смотреть на обширные заросли озерного тростника. На воде поблескивает солнце, над головами кружатся птицы.

– Что ж, мы опять ни с чем, – сообщает Хейди, нетерпеливо постукивая ногтями по деревянным перилам.

– Ни с чем, да, – подтверждает Ян.

– Но этот случай и правда странный, – бормочет Хейди то ли себе самой, то ли Яну. – В нем есть что-то такое, что от меня ускользает, будто можно копать в любом направлении; полная свобода действий, и ни одной зацепки. Да и не факт, что это вообще убийство. Но я должна была с тобой связаться, понимаешь. Тут что-то не так. Это не несчастный случай.

– Я понимаю, о чем ты, – говорит Ян. – И ты позвала меня, потому что считаешь, что к убийству приложил руку кто-то невероятно умный и изобретательный? – спрашивает он, расправив плечи, и внимательно смотрит на Хейди.

– Если парня убили, то можно ли вообще утверждать, что

он первая жертва? – размышляет она. – Я даже не знаю. У твоей новой начальницы хватка что надо. Жду не дождусь результатов вскрытия.

– У Йоны хватка такая, что ей только дай за что зацепиться. Пара дней – и картина прояснится, – говорит Ян.

– И лес еще этот. Природа, заповедник. Это что-то значит? Пока я ходила там и наблюдала за криминалистами, меня не покидало странное ощущение. Что кто-то тихо и незаметно оставил здесь это тело. Есть еще один момент – довольно странный, как по мне...

– Что за момент? – Ян нетерпеливо перебивает Хейди.

– На месте успели побывать животные, но, по предварительным данным, тело пролежало в лесу абсолютно нетронутым. Обычно охотников за падалью долго ждать не приходится, они набегают, даже если где-то рядом живут люди. Падальщики могут отрывать от тела целые куски и утаскивать их к себе как добычу. Женщина, что нашла труп, рассказала, что повсюду летали вороны, но к телу они не притронулись. Знаешь, будто... – Хейди прерывается и резко поворачивается к Яну.

– Будто?.. – торопит ее Ян.

– Будто лес признал это тело *своим* и решил не уничтожать его, а защищать, – произносит Хейди, и Ян чувствует, как, несмотря на жару, его руки покрываются мурашками.

СААНА

В рот Сааны отправляется очередной кусок запеканки из баклажанов. Кухня тети Инкери пропитана поистине аппетитными ароматами. Саана съедает еще вилочку, затем отхлебывает немного красного вина и улыбается. Вместе с тем на нее уже накатывают волны грусти, ведь неизвестно, когда они с тетей увидятся в следующий раз.

– Я так рада, что ты все-таки решила заскочить, – произносит Инкери с набитым ртом. Саана уже привыкла к этой ужасной манере.

– Знаешь, с некоторых пор твой дом – мое любимое место на земле, – смеется Саана.

– Уже решила, как поступишь с теми материалами? – спрашивает Инкери, отодвигая в сторонку пустую тарелку. Она смотрит на Саану с родительской теплотой.

– В поездке я остановилась на том, – начинает Саана, одновременно чувствуя прилив энтузиазма, – что напишу по этой истории грамотный сценарий и в итоге выпущу подкаст. О хартольских убийствах успели столько всего понаписать в газетах, что в ход пойдут и свежие статьи – в дополнение к моим заметкам. Я и название подкаста уже придумала: «Когда умирает король».

Тетя с улыбкой кивает.

– Помнишь, когда ты только приехала, я сказала, мол, ка-

кие твои годы, найдешь себе занятие по душе? Сдается мне, ты на правильном пути.

Взяв по бокалу вина, они выходят во двор и устраиваются на садовых качелях. Саана любит небо, а потом переводит взгляд на тетю. В воздухе гипнотически кружится мошкара. По траве неспешно стелется туман. Закатное солнце выглядывает из-за угла дома, окрашивая окрестности в оттенки золотого. Инкери отталкивается от земли, раскачиваясь посильнее.

– Подумываю остаться здесь до субботы, спокойно поработаю над сценарием первых выпусков. А на неделе уже поеду в студию, попробую записаться, – сообщает Саана, смакуя богатое послевкусие напитка. Вино ненавязчиво отдает сливой, оно сухое, но в меру – не раздражает небо или десны. – Да и работу начну искать.

– Я буду скучать, – признается Инкери, и Саана думает о том же самом. Оказывается, они так привыкли друг к другу за лето.

– По крайней мере, теперь у тебя есть какая-никакая компания, – ухмыляется Саана, кивая в сторону дровокола и садового триммера, по-хозяйски обосновавшихся у тетиного красного амбара в Саанино отсутствие.

– Теперь Харри – это просто Харри, так-то. В своем почтенном возрасте я уже никому не позволю нарушить годами лелеянный покой, – произносит тетя, напустив на себя грозный вид, однако от взгляда Сааны не могут укрыться ис-

корки нежности, прежде Инкери не свойственной. Мужчина ворвался в тетину размеренную повседневность на исходе лета и, похоже, таки сумел пробиться к сердцу отшельницы. На ступеньках дома валяются рабочие перчатки, а возле них красуется пара огромных резиновых сапог.

– Как насчет десерта? – предлагает Саана. Она прихватила парочку пирожных паштел-де-ната¹⁰. Не португальских, конечно, – из «Лидла» в «Камппи»¹¹.

– Я не буду, но ты возьми. Просто мы с Харри решили ненадолго ограничить себя в сладком, – говорит тетя, прежде чем до нее доходит смысл собственных слов. У Сааны вырывается озорной смешок. О, прощай, неприступная Инкери!

Вдоволь насмеявшись, женщины наливают себе еще по бокалу вина.

27 АВГУСТА, ВТОРНИК, ЯН

– Причина смерти? – спрашивает Ян, опершись плечом на белую бетонную стену. Ее холод чувствуется даже через футболку. Дайвер поглощен изучением окоченевшего тела и не удосуживает Яна взглядом. Стоя посреди комнаты, Хейди

¹⁰ Паштел-де-ната (*порт.* Pastel de nata) – десерт, пирожное в виде чашечек из слоеного теста с заварным кремом. *Прим. ред.*

¹¹ «Камппи» (*фин.* Kamppin keskus) – многофункциональный комплекс в хельсинкском районе Камппи. В нем совмещены транспортный терминал и торговый центр.

с интересом наблюдает за кружащим над трупом Дайвером.

– Пока мы слишком многого не знаем, – начинает он. Люминесцентная лампа подсвечивает бледную кожу судмедэксперта. Она походит на полупрозрачную пленку, под которой, подобно червям, ветвятся синеватые кровеносные сосуды. Ари Йоки – настоящий профессионал, лучший из всех, с кем доводилось работать Яну и Хейди. В убойном отделе к нему давно и намертво приросла кличка Дайвер. Владелец специфического чувства юмора, этот мужчина никогда не страшится докапываться до самых глубин.

– Следов насилия нет, – подтверждает Дайвер.

Ян кивает, Хейди, поколебавшись, подходит к аутопсийному столу, поближе к мертвецу.

– На черепе и других костях нет следов ножевого ранения, равно как и удара иным колюще-режущим предметом. В мягких тканях присутствуют мелкие кровоподтеки, но признаков того, что жертву оглушали или били, нет. Если смерть наступила в результате приступа, логично предположить, что тело билось в конвульсиях, а потому не могло в итоге оказаться в такой спокойной позе, – сообщает Дайвер, а Ян с Хейди ловят каждое его слово. – Пока создается впечатление, будто парень просто решил поспать со сложенными на груди руками. Или же кто-то тщательно скорректировал его позу.

Ян слушает Дайвера и думает о том, как же много случаев им довелось раскапывать вместе. И все равно Дайвер к каж-

дому делу подходит так, будто оно первое и единственное. Работает организованно, спокойно, методично.

– Можешь прикинуть время смерти? – спрашивает Ян, не сводя глаз с трупа, в котором почти не осталось ничего человеческого. Он изо всех сил старается представить, будто это реквизит со съемочной площадки, а не зловонный, разбитый смертельным параличом покойник.

– С точностью до часа определить невозможно, но я бы сказал, что смерть наступила поздно вечером в пятницу, 23 августа, ну или в ночь на субботу. Между моментом смерти и моментом обнаружения прошло меньше двух суток. Погода стояла теплая, моросил легкий дождик, насекомые почти не тревожили, – продолжает Дайвер. Во время разговора его острое адамово яблоко поднимается и опускается. С самой первой встречи при виде Дайвера Яну на ум приходил гриф. Лысина, крючковатый нос, тонкая длинная шея, какие-то птичьи повадки – прямо стервятник в человеческом обличье.

– Парню было всего-то лет двадцать, да и на здоровье он, похоже, не жаловался, – говорит Дайвер и рукой, затянутой в резиновую перчатку, протягивает Яну пластиковый пакет – вещи из карманов жертвы и снятые с тела украшения.

Ян всматривается в содержимое пакета: одна-единственная подвеска на кожаном ремешке, ее серебро успело почернеть. Ни телефона, ни кошелька, ни ключей.

– У парня не было операций, металлических имплантов

и прочего. Ничего, что помогло бы ускорить поиск сведений о нем в медицинских базах данных. Но у нас на руках есть образец ДНК и зубная карта, и прямо сейчас их сравнивают с аналогичными данными парня, который пропал в субботу.

– Ясно, – коротко отвечает Ян. Он предпочел бы слушать Дайвера.

– Сейчас важнее всего выяснить, что вообще заставило молодого человека выбрать именно это место своим последним пристанищем. На территории не обнаружили признаков того, что его привезли или приволокли. Тело целое, никаких повреждений. Под ногтями чисто. Ссадин, рваных ран и царапин тоже нет. Ни до, ни после смерти увечий ему не нанесли. Так что силком его однозначно никто не тащил.

– Согласен, – говорит Ян. В том лесу криминалисты пока ничего не обнаружили, хотя местность до сих пор прочесывают.

– Версия о том, что тело жертвы кто-то принес в лес, мягко говоря, сомнительная. Тащить труп по такому бурьяну? Да легче придумать иной способ убийства, – подытоживает Дайвер.

– Но интересен сам по себе факт нахождения покойника в сердце заповедника, – говорит Хейди. – Парень полностью одет, на сексуальное или иное насилие ничто не указывает. Что-то во всем этом будто намекает: парень действительно мог прийти туда по собственной воле, лечь лицом к небу и дожидаться смерти.

– Но чего тогда было поднимать всех на уши, если это не убийство? – резонно интересуется Ян.

Хейди начинает нервно мерить шагами мрачное помещение – обдумывает претензию Яна. Тот на минуту закрывает глаза, пытаясь собрать в кучу новые сведения. Резкий, холодный свет люминесцентных ламп пробивается даже сквозь веки. Ян уже не реагирует на едва уловимый запах разложения: привык.

– Не совсем понятно, входило ли в планы то, что тело вообще обнаружат, – Хейди нарушает воцарившуюся было тишину. – Впечатление, скорее, такое, будто о последствиях не думали в принципе. Если речь все-таки об убийстве, то та яма под корневищем просто идеальна.

– Субъект мог посчитать, что выйти на него невозможно из-за отсутствия следов, – подхватывает Ян.

– Но есть след от подошвы, – бормочет Хейди.

– Также не стоит отметать убийство в состоянии аффекта. Субъект не собирался устраивать шоу. Убил человека под влиянием импульса и бросил труп в лесу. Но что с причиной смерти? Может, удалось найти что-то в крови? – спрашивает Ян.

– Официальное заключение вы получите в ближайшее время, когда лаборатория пришлет результаты. Очевидно, что в момент смерти жертва была в состоянии тяжелого опьянения. В крови и на слизистых обнаружены следы алкоголя. Но едва ли алкоголь – основная причина смерти. Точ-

нее, я бы предположил, что жертву отравили, – произносит Дайвер, наслаждаясь повисшей в воздухе оглушительной тишиной.

– Можно ли утверждать, что это точно не несчастный случай? – перестраховывается Ян.

– Парень не отключился и не захлебнулся рвотой, если вы об этом. Замерзнуть тоже не мог – ночь стояла теплая, – отвечает Дайвер.

– А что насчет самоубийства? – осторожно интересуется Хейди. Хотя зачем кому-то травить себя посреди леса? Есть и более простые способы покинуть этот мир.

– Я бы не стал всерьез рассматривать эту версию, – говорит Дайвер. – Есть одна любопытная вещь, которую вам упускать не стоит, – продолжает он, вытягивая руку над грудной клеткой покойника.

– Вот тут, на груди, лежало растение. Его остатки я положил на стол – нужно как следует изучить.

Ян и Хейди подходят к Дайверову столу. На стальном подносе – длинный погнутый стебелек со ссохшимися сиреневыми цветочками.

– Я уже полюбопытствовал: это наперстянка.

Ян смотрит на цветок, фотографирует его на телефон и чувствует прилив сил. Парень умирал уже с цветами или кто-то их потом ему вложил?

– Наперстянка – довольно распространенный садовый цветок. Если поищите в Сети фотографии, сразу же узнаете.

И в лесах на него обычно не натываются.

Потолочная лампа начала помигивать. В подвальном помещении стоят три взрослых серьезных человека и сосредоточенно взирают на усохшее растение.

– Неужели кто-то вложил цветы в руки покойника?

СААНА

Саана наливает кофе в большую кружку с розочками, выходит в сад и замирает от того, как приятно утренняя роса щекочет пальцы ног. Вскоре появляется и Инкери, неся перед собой поднос, набитый под завязку всем необходимым для завтрака.

– Поднимаемся, – говорит Инкери, заставляя сонную Саану слезть с качелей. – Давай-давай, небольшой садовый мочилон, – настаивает тетя, и они отправляются напрямик к цветочным клумбам.

– Так, тут у меня чина, – начинает Инкери, указывая на цветы восхитительного нежно-розового оттенка, чем-то напоминающие душистый горошек.

– А вон там – кореопсис, бузульник, наперстянка и эхинацея.

Саана останавливается рассмотреть цветы эхинацеи: сиреневые лепестки вокруг красноватой сердцевины так трогательно опустились, что стали похожи на ушки поникшего кролика.

– Бабочкам-лимонницам эхинацея особенно по душе, а вот цветки мяты облюбовали перламутровки, – сообщает тетя, и они идут дальше.

Легкие Сааны наполняются ароматной свежестью утреннего воздуха, она чувствует, как потихоньку просыпается.

– Август – самое время наблюдать за бабочками. Сейчас небо полнится теми, что зимой попрячутся, а весной появятся вновь, – говорит Инкери, вытягивая руку так, словно любезно приглашает всех бабочек на нее присесть. – Адмиралы – те еще кочевники: прилетают в Финляндию в конце лета, но некоторые из них позволяют воздушным потокам подхватывать себя и нести обратно.

Саана кивает и улыбается: пожалуй, тетю уже не остановить.

– Репейницы вообще чудные. Прилетают аж с южного побережья Средиземного моря, и за время путешествия умудряются родить и вырастить новое поколение. Нынешним летом в цветках гвоздики травянки мелькал махаон, – увлеченно продолжает тетя, и Саана с сожалением отмечает, что не в силах запомнить и половины всех этих названий и фактов.

– Чем меньше хочешь поймать бабочку, тем охотнее она на тебя сядет, – улыбается тетя, опустив руку.

Оглядывая сад, Саана вдруг отчетливо понимает, как мало времени провела наедине с этой красотой. Неужели лето промчалось так быстро?

– В этот раз ваши с бабочками пути не особенно часто

пересекались, да? – говорит тетя, словно прочтя мысли Сааны. – Бабочки кружатся и порхают на солнце, купаются в его лучах, но ты почти все лето не выходила из тени.

– У нас с тобой четкое распределение обязанностей, – смеется Саана. – Ты копаешься в свежей земле, а я – в старых делах.

Выйдя после завтрака на пробежку, Саана слышит стрекот кузнечиков в высокой придорожной траве, вдыхает ласковый, теплый воздух и воображает, будто она за границей. Однако старушка, бодро вышагивающая навстречу, размахивая лыжными палками, тут же возвращает Саану к реальности: это – финская глубинка, Хартола – маленькое, но гордое местечко, провозгласившее себя ни много ни мало «королевством».

Саана сворачивает на знакомую дорожку. Верхние листочки иван-чая уже подернуты оттенками красного, а сиреневые цветочки сменились длинными, подсохшими снизу стебельками, на концах которых подрагивает легкий серебристый пушок. Эта картина перекликается с тем, как Саана ощущала себя в самом начале лета: ссохшимся стебельком, у которого вместо мыслей – сплошная вата. Лишь сейчас, когда ей намного лучше, становится ясно, насколько волшебную, целительную легкость, насколько глубокое умиротворение принесло ей избавление от стресса. Неужели и впрямь можно жить такой жизнью – простой и ясной? Порой Саане кажется, словно она очнулась от долгой спячки. Весна про-

шла в вязком тумане бессмысленности и истощения.

Под конец Саана решает забежать в магазин за рожком мороженого, после чего устраивается поудобнее около хар-тольской каменной церкви и принимается за лакомство. Она достает телефон и лениво просматривает вакансии. С ужасом читает бесконечные требования работодателей – такое впечатление, что фирмы сговорились больше не размениваться по мелочам и отныне подыскивают себе супергероев.

Открыв «Фейсбук»¹², Саана тут же натывается на пост бывшей коллеги: где-то ищут специалиста по коммуникациям. В информационное агентство на неполный рабочий день требуется специалист по связям с общественностью, человек, умеющий писать хорошие тексты, с опытом работы журналистом. Саана доедает мороженое и отваживается попробовать. У нее в окружении полно бывших журналистов, нашедших свое маленькое профессиональное счастье в информационных агентствах или на ниве контент-маркетинга. А чем она хуже? Пожалуй, Саана морально готова к трудовым подвигам. Другое дело, что на готовность эту в немалой степени влияют и оставшиеся на счете копейки.

¹² Здесь и далее: название социальной сети, принадлежащей Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

ХЕЙДИ

Пожалуй, Хейди стоит передохнуть. От сидения за компьютером ломит все тело. Хейди кладет ноутбук на диван и массирует шею, после чего встает размяться, потянуться и сделать парочку асан йоги. Идеальную картину нарушает лишь желание опрокинуть в себя стаканчик-другой виски, возникшее прямо посреди выполнения одного из упражнений. Все идет по вчерашней схеме. Помнится, после работы она четырежды повторила «приветствие Солнцу», а потом бахнула столько же стаканов виски. Гений баланса, вашу мать. Виски развязало Хейди язык и даже помогло красиво сложить слова в предложения и послать сообщение Юлии, от которой, впрочем, ответа так и не последовало. Это раззадорило Хейди: раз так, она заново установит себе «Тиндер». Виски помогло быстро и без особых сложностей восстановить доступ к профилю и начать искать себе приключения. Профиль, между прочим, «золотой», то есть создающий у пользователя приятную иллюзию того, что именно он владеет ситуацией, а не само приложение. Так что Хейди может видеть красивый коллаж из тех, кто выказывал к ней интерес, владеет привилегией окинуть всех взглядом за один раз.

Бросив растяжку на середине, Хейди смотрит на телефоне время. 21:03. Она работает с семи утра. Тело просто вопит об отдыхе. К желанию хорошенько поддать теперь при-

мешалось мучительное любопытство: как там дела в «Тиндере»? Поменялось ли что-нибудь со вчерашнего дня? С кем сегодня будет «мэтч»? Хейди опрокидывает в себя стаканчик односолодового виски и принимается изучать фотографии. «Я просто любопытная похотливая засранка», – думает она и одновременно припоминает, как было в прошлый раз. Тогда, после очередного удаления этого приложения, Хейди прямо поклялась, что никогда с ним больше не свяжется. Возможностью бесконечно просматривать кандидатуры «Тиндер» почти свел ее с ума. В общем, очистив телефон от этого порока, Хейди до поры до времени была спокойна и скромна. Пока летом внезапно не встретила Юлию.

Сейчас однако мысли о Юлии ассоциируются лишь с неопределенностью. Чувства не дают покоя Хейди, когда она вспоминает, что Юлия так и не ответила на вчерашнее сообщение. Хейди никогда никому не заглядывала в рот, не была пассивной, зависимой стороной, ни на ком не висла – она та, кто действует первой. И понятно, что на Бали народ живет в своем темпе и у Юлии наверняка есть уважительная причина молчать, но эта тишина просто добивает. Вообще, стоит признать: Юлия никогда ничего и не обещала. Она еще в начале знакомства открытым текстом обрисовала ситуацию – и довольно четко, – но влюбленная Хейди, по всей видимости, услышала что-то свое.

– Я не могу тебе ничего обещать, – прямо так и сказала Юлия.

В ответ на это Хейди только рассмеялась, подошла к Юлии со спины и, просунув руку под ее футболку, начала медленно ласкать мягкие груди. Все слова тут же выветрились из головы.

Глотнув немного виски, Хейди продолжает листать чужие фото: нет, нет, точно нет, нет. Она не может сказать, чего конкретно хочет. Снова погрузиться в знакомые ощущения? Встретить человека, который бы как-то выделялся из толпы? Можно ли в таком деле вообще полагаться на фотографии? Зато Хейди точно знает, каких ребят нужно обходить по большому радиусу: тех, кто пишет километровые автобиографии. С другой стороны, люди с пустым профилем или любители общаться смайликами тоже так себе вариант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.